

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог: Мертвец</i>	6
<i>Часть первая: Джек успевает на автобус</i>	8
<i>Часть вторая: Ночные посетители</i>	59
<i>Часть третья: Уборщик</i>	125
<i>Часть четвертая: Дом в лесу</i>	152
<i>Часть пятая: Игры разума</i>	208
<i>Часть шестая: Тело в погребу</i>	285
<i>Часть седьмая: Зараза</i>	365
<i>Часть восьмая: Самое худшее</i>	454
<i>Часть девятая: Малыш</i>	542
<i>Часть десятая: Генри жмет на газ</i>	616
<i>Часть одиннадцатая: После</i>	686
Благодарности	699

Человечество существовало задолго до истории.

Юваль Ной Харари

При формировании представления о человеке, его духовном облике и власти над природой первобытные и древние люди, очевидно, во многом полагались на странные явления, которые сегодня назвали бы духовными.

Д. Б. Райн

И там, куда она ступает, расцветают ромашки...

Одуванчики! Бабочки!

Ben Folds Five

ПРОЛОГ: МЕРТВЕЦ

Мертвец привлекал мух.

Когда существо вернулось, оно обнаружило куколку, слабо дергающуюся на полу, покрытую кровью и кусками кожи. Руки и ноги мужчины были раскинуты, прилипнув к стенам и грязи, но зубы висели на подбородке и груди, а месиво из головы мокрой кучей лежало на коленях; спертый воздух провонял мочой, каким-то химическим потом, а также грязью и слюной. Голова раскрылась, как цветок; личинка стала слишком большой и расколола череп через лоб. Теперь тело сгниет до того, как придет ребенок, и мясо, которым он бы мог питаться в самые первые важные дни, пропадет.

Существо поспешно закутало раскрытую куколку, накрыло ее охапкой намокших листьев, создавая вокруг нерожденного защитные слои, как скорлупки. За работой оно что-то приговаривало, повторяя одно и то же снова и снова, как молитву или заклинание.

Жужжание мух прекратилось, когда те оторвались от трупа и улетели через открытую дверь

Филип Фракасси. ДИТЯ СРЕДИ ЧУЖИХ

подвала в умирающий день. Через несколько секунд в комнате воцарилась тишина.

Закончив причитать, темная угловатая фигура, тощая и оживленная в полумраке подвала, выплюнула еще немного жидкости в ладони, грубые и шершавые, как древесная кора. Скользкое, как пролитые в подземном свете чернила, существо прижало свою вязкую слюну к кукле из грязи, листьев и мусора, жидкость на мгновение забурлила, а потом быстро высохла, превратившись в твердую серую пасту.

Длинный, бесформенный кокон был прижат к стене из грубого кирпича — высоко, подальше от покрытого лужами земляного пола. Окно цвета мха пропускало достаточно необходимого солнечного света, чтобы обеспечить нерожденного ребенка питательными веществами.

Пока личинка росла, она охотилась; готовилась к рождению, к переходу из грубого убежища в странный новый мир.

Она была голодной.

Тонкий рот под мутно-желтыми глазами существа растягивался, и грубоватая кожа собиралась в складки.. Сдавленный кашель с мокротой вырвался из горла, испуская горячий кислый воздух и звук, не похожий ни на человеческий, ни на животный.

Радостный звук.

Звук материнской любви.

ПРОЛОГ: МЕРТВЕЦ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДЖЕК УСПЕВАЕТ НА АВТОБУС

1

Иногда хорошие люди совершали плохие поступки. Девятилетний Генри Торн еще не успел выучить этот ценный жизненный урок. Но он выучит. И случится это теплым летним днем в 1995 году, причем самым ужасным образом.

Генри терпеливо ждал, пока его отец Джек запер входную дверь квартиры — классом пониже дома в Лемон-Гроув. Генри не нравилось, что здесь нет заднего двора, но теперь они жили вдвоем. Папа сказал, старый дом был для них слишком большим и дорогим.

Его отец опустил руку, чтобы Генри мог за нее взяться, пока они шли по открытому балкону к лестнице.

Генри смотрел на эту руку и думал обо всех переменных, через которые они с отцом прошли. И обо всех потерях. Даже Гром не поехал в Грантвилль, что для Генри было намного важнее заднего двора. Папа объяснил, что в новой квартире не разрешают держать кошек, собак или любых других животных. В тот день, когда они повезли в приют Грома — уже

Филип Фракасси. ДИТЯ СРЕДИ ЧУЖИХ

десять лет как кастрированного рыжего полосатого кота с травмированной лапой, — отец предложил купить птичку или черепашку из зоомагазина. Генри отказался, не видя в этом смысла. Птицы и черепахи не мурчали, не гладились и не спали ночью на ногах.

Генри с отцом прожили в этой квартире почти год. Генри пришлось перейти в новую начальную школу, но он не был против. В старой у него все равно почти не было друзей. Так что и терять было нечего. Но все же учителя его любили — в основном за то, что он был умным. *Продвинутым*. Но детей такие вещи не интересуют. Им нужно, чтобы ты был веселым, знал все новые видеоигры и играл наравне с ними на перемене.

Генри вздохнул про себя — таким скрытым вздохом сожаления и потери умудренного годами старика — и потянулся, чтобы взять папу за руку.

Втиснув пальцы в теплую ладонь, Генри поднял глаза и улыбнулся как можно радостнее, пытаясь разгадать отцовское выражение лица. Но тот смотрел прямо перед собой — гигантская фигура, воплощение безопасности и любви.

Вместе они молча спустились по лестнице на тротуар. Генри протянул другую руку, ухватился за пару толстых пальцев отца и игриво сжал, надеясь, что его поднимут в воздух и перекинут через тротуар. Раньше папа постоянно так делал, но сейчас он, наверное, стал слишком большим. Слишком тяжелым. Дети в старой школе называли его толстым, и он терпеть этого не мог. Но при этом Генри был

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДЖЕК УСПЕВАЕТ НА АВТОБУС

маленьким для своего возраста (несмотря на небольшой животик) и поэтому знал, что отец может поднять его так же легко, как свою руку. На мгновение Генри показалось, что он ощутил рывок, и он улыбнулся в предвкушении того, что его поднимут — в предвкушении *полета* и радости в сердце, как это всегда бывало, когда они с папой играли.

Но рука ослабла, оставив Генри на тротуаре, и они продолжили идти к углу улицы.

Но это неважно, настроение Генри невозможно было испортить. Он должен был быть сегодня в школе, но прогуливал, чтобы побыть с папой. В офисе устраивали «Детский день», и он сможет сидеть с ним и смотреть, как он работает, может, даже немного помогать. Папа был бухгалтером — тем, кто считает деньги других людей и помогает им с налогами.

Он взял кучу отгулов, когда умерла мама. Месяцы. Они продали дом, упаковали все свои вещи, игрушки и то, что он собирал годами — плакаты с изображением космоса, коллекции фигурок, книги... всё. Даже его кровать погрузили в грузовик и перевезли на новое место. В квартиру. Грузчики поставили все так, как было в его старой комнате, вот только что-то больше не влезало, а его любимая лампа сломалась — та, что с лошадками, — но папа пообещал купить новую. Так и не купил, но Генри ничего не сказал.

Папе было тяжело быть счастливым с тех пор, как мамы не стало. Он никогда не смеялся, почти не играл. Однажды он заболел, и Генри уехал к своему крестному, дяде Дэйву, и его жене, тете Мэри. Они

тоже жили в Сан-Диего, но в районе получше. Тетя Мэри не всегда была доброй, а еще у нее была другая кожа — блеее, чем у Генри. Она была азиаткой, а не афроамериканкой, как дядя Дэйв, папа, Генри и мама. Генри было все равно, проблема была лишь в том, что с ней было не так весело, как с дядей Дэйвом, по крайней мере, не всегда. Дядя Дэйв был крутым и всегда приносил Генри игрушку, когда заходил к ним домой. Генри любил дядю Дэйва. Не так сильно, как маму с папой, но все же любил. Дядя Дэйв всегда приходил к ним без стука и очень громко кричал: «Где мой мальчик?!», а Генри всегда смеялся, залезал на кровать, прятался под подушку и ждал, что дядя Дэйв придет, поднимет его и обнимет.

Потом дядя Дэйв сидел в гостиной с отцом и говорил что-то вроде: «Хорошо, Джек, хорошо» и «Я помогу, Джек. Позволь мне помочь, брат». Однажды папа заплакал, и дядя Дэйв заметил, что Генри за ними наблюдает, но не разозлился и не прогнал его. Он просто посмотрел печальными глазами и подождал, пока отец Генри перестанет плакать, чтобы еще немного поговорить.

— Пап-пап, а мы поедем на автобусе? — спросил Генри, завидев спереди голубой навес у тротуара.

— Нет, дружок, не на автобусе,— ответил отец тяжелым голосом, почти грустным, но как-то по-другому.

— Тогда как мы попадем в офис?

— Мы пойдем. Пешком,— сказал папа, и Генри почувствовал, как пальцы отца сомкнулись сильнее. Ободряюще сжали.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДЖЕК УСПЕВАЕТ НА АВТОБУС

Когда они проходили мимо синей автобусной остановки, Генри изучал лицо пожилой женщины, ожидающей на скамейке. Она улыбнулась Генри, и он улыбнулся в ответ, помахав ей рукой. Ее глаза заблестели, и Генри подумал, что она красивая. А еще от нее пахло арахисовой пастой, отчего ему захотелось есть, и он потянул папу за руку.

— Пап, а мы можем там поесть? Я все еще голоден.

Его отец не ответил, а просто продолжил идти. Теперь немного быстрее. Генри пришлось перейти на бег, чтобы не отстать.

— Так слишком быстро, пап,— сказал он, но игриво, потому что вовсе не был против.— Мы торопимся, да?

— Нет,— ответил отец и остановился. Он посмотрел вниз на Генри. Ну, не совсем на него. Он как бы смотрел... *сквозь* него, будто обращался к тени Генри, а не к нему самому.— У меня больше нет работы, сынок. Ее забрали. Понимаешь?

Генри кивнул, но в животе расцвело что-то холодное. Взрослым нужна работа, потому что она приносит деньги. А деньги — это все. Без денег все будут бездомными и голодными.

Его отец покачал головой, словно отгоняя комара, а затем продолжил идти. Генри все еще анализировал новую информацию, изучал ее, словно странный предмет, найденный в лесу, и делал все возможное, чтобы не отставать. Он силился понять, как в офисе может быть детский день, если у папы больше нет работы. Генри хотел спросить, но боялся, что это расстроит папу или и того хуже —

заставит понять, что все это было ошибкой, и придется пойти в школу. Тогда Генри опоздает, и миссис Фостер будет раздражена. С ней такое часто случилось, когда дети разбрасывали вещи, разговаривали, когда не надо, или слишком громко смеялись. Она *часто* раздражалась, и ей уж точно не понравится, если Генри придет поздно. Поэтому Генри держал эти страхи при себе.

Они свернули за угол другой улицы и оказались на большой дороге. Генри знал, что она называется Флетчер-авеню, потому что успел выучить. Машины проезжали намного быстрее, а папа все продолжал идти. На другую автобусную остановку? В новый офис? Генри снова и снова прокручивал в уме варианты, пытаясь понять, куда они направляются. В парк? Но он в другой стороне, на Сикамор, где они жили, в конце улицы. Генри вдруг задумался, села ли на автобус та женщина, от которой пахло арахисовой пастой, но отвлекся, когда мимо с ревом проехал большой грузовик, и выхлопной газ ударил им в лица. Генри приложил свободную руку к левому уху, перекрывая шум.

— Слишком громко, папа! — закричал он, потягивая за мясистую руку отца.

Папа остановился, повернулся и посмотрел в ту сторону, откуда они пришли. Генри решил, что он за чем-то наблюдал, поэтому тоже обернулся и увидел ярко-синий автобус, заворачивающий за угол в конце улицы.

— Мы сядем на автобус? — перекрикивал Генри гогот чаек и шум проносящихся мимо машин.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДЖЕК УСПЕВАЕТ НА АВТОБУС

Джек Торн отпустил руку сына, сел на корточки и посмотрел ему в глаза. Генри улыбнулся и положил пухлую ручку на папино лицо.

— Ты этого не помнишь,— сказал Джек,— ты был еще маленьким, едва ли ходил. Но однажды... ты тянулся ко мне. Я сидел за столом. Я тогда устал, много работал. А ты все тянулся и тянулся. Я поднял тебя, и ты случайно опрокинул мой стакан на бумаги. На мою работу.

Генри нахмурился, не помня такого, но все же недовольный, что так сделал.

— Прости, папа.

— Нет! — ответил он так громко и резко, что Генри испугался, и волосы на его затылке встали дыбом.— Нет,— повторил Джек, поглаживая Генри по голове.— Дело в том, что я разозлился, очень сильно, не думал трезво. Я потянулся к бумагам... ты упал...

Генри увидел, как по небритой щеке отца ползет слеза к самому подбородку. Его глаза будто покрылись пленкой, видя лишь воспоминание.

— Я тебя уронил. Ты ударился головой об пол. Ты не поранился. Наверное, просто испугался. Мы все испугались. Твоя мама была в бешенстве...

Джек осекся и скорчил на это воспоминание рожицу, которая почти напоминала улыбку. Наполненную болью и сомнением.

— Так вот, я хотел извиниться за это. Прости, что уронил тебя тогда. Я люблю тебя, сынок.

— Я тоже люблю тебя, папа,— сказал Генри, и отец крепко его обнял. Тогда Генри было все равно, куда они идут, его не волновала квартира, Гром,

двор и дети в школе. Папа казался таким сильным и теплым, что Генри улыбнулся, зарылся лицом в синюю папину рубашку и закрыл глаза, вдыхая запах. Он хотел, чтобы это объятие длилось вечно, потому что они уже давно *так* не обнимались.

— Я никогда не оставлю тебя, сынок,— сказал отец.

Джек встал, все еще крепко держа Генри на руках. Генри прижал свою щеку к щеке отца и почувствовал холодные, мокрые слезы. Он хотел что-то сказать, спросить, почему тот плакал, но тут они двинулись.

Генри открыл глаза и увидел, что они вышли на дорогу. Он посмотрел вверх, поверх папиного плеча, в бескрайнее голубое небо. Мир закружился, когда его отец повернулся, и Генри увидел размытое пятно сигналящих машин, разноцветных людей, машущих с тротуара, а потом в его ухо ворвался громкий голос отца:

— Не смотри!

Мочевой пузырь Генри опорожнился прямо в джинсы, и он закричал, увидев несущийся на них автобус с ревушим клаксоном. Долю секунды мальчик боролся с крепкой хваткой отца; инстинкты взяли свое, и он толкался изо всех сил, чтобы *вырваться*. Раздался механический рев и глухой хруст, а затем Генри полетел. Он услышал, как кричит чайка или женщина, и ему тоже захотелось закричать, но у него не хватило дыхания.

Что-то большое и тяжелое вонзилось в его маленькое тельце, и мир погрузился во тьму.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДЖЕК УСПЕВАЕТ НА АВТОБУС

